

ПЬЯНСТВО В ГОРОДАХ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. Изучение такого социального явления, как пьянство среди городского населения, является важным условием полного анализа одной из важнейших сфер повседневной жизни городов – девиантного поведения. Это позволяет увидеть региональную специфику городской повседневности в условиях Гражданской войны. Цель работы – проанализировать уровень потребления спиртных напитков, причины роста пьянства и методы борьбы с ним.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Пензенской области. Особое место занимают газеты, которые дают широкую источниковую базу для исследования данной проблемы.

Результаты. Рассмотрена степень изученности проблемы. Подвергнуты исследованию причины пьянства, пути распространения спиртных напитков. Показаны методы борьбы с пьянством и причины их неэффективности. Также исследованы последствия высокого уровня потребления спиртных напитков, такие как рост самогеноварения и преступности.

Выводы. Изучение данной проблемы позволяет увидеть, что пьянство оставалось серьезной проблемой для власти и избранные методы борьбы не были эффективными в условиях Гражданской войны и политики «военного коммунизма».

Ключевые слова: пьянство, девиантное поведение, Гражданская война, спирт, самогеноварение.

I. S. Gnusarev

DRUNKENNESS IN PENZA REGION'S CITIES DURING THE CIVIL WAR

Abstract.

Background. The study of such social phenomena as drunkenness among the urban population, is an important condition of complete analysis of one of the most important spheres of everyday life in the cities – the deviant behavior. This allows to see the regional specifics of everyday life during the civil war. The purpose of the article is to analyze the level of alcohol consumption, alcoholism growth causes and methods of curbing it.

Materials and methods. Implementation of the research tasks was achieved through the use of the documents derived from the State Archives of the Penza region. A special place is occupied by the newspapers, which provide a broad source base for exploring this problem.

Results. The author examined the degree of scrutiny of the problem and researched the causes of alcoholism, channels of spirits' distribution. The article describes the methods of curbing drunkenness and the reasons for their ineffectiveness. The researcher also investigated the effects of high levels of consumption of alcoholic beverages, such as rising crime and moonshining.

Conclusions. Study of this problem reveals that drunkenness remained a serious problem for the government and the selected control methods were not effective during the civil war and the policy of «war communism».

Key words: drunkenness, deviant behavior, civil war, alcohol, moonshine.

Революция и последующая за ней Гражданская война, как и любой переломный и нестабильный момент в истории, приводят к росту отклоняющегося поведения. Городские жители, которые жили в это беспокойное время, сталкиваются с большим количеством проблем. Обостряется продовольственная ситуация, возникают эпидемии и, соответственно, растет уровень смертности. Тяжелое санитарное состояние и падение общего уровня жизни стали приметами того времени. Оказавшись в таком положении, горожане часто были вынуждены идти на крайние меры для того, чтобы хоть как-то улучшить условия своего существования и приспособиться к новым обстоятельствам. Потребление спиртных напитков было одним из способов, с помощью которого можно было попытаться уйти от проблем, отвлечься от тяжелой обстановки. Жители городов Пензенской губернии не стали исключением.

Проблема пьянства и сопряженных с ним фоновых явлений начинает исследоваться уже в годы Гражданской войны. В это время появляется большое число агитационно-пропагандистских работ. Чуть позже возникают первые труды, целью которых становится конкретно изучение проблемы пьянства. В данных работах признавался рост потребления алкоголя на протяжении 1917–1922 гг. Причины этого исследователи видели в наследии старого режима, в низком культурном уровне населения России и т.п. Однако есть расхождения в оценке уровня потребления алкоголя: достиг, остался таким же или превысил довоенный уровень. В сталинские годы потребность в объективной истории отпала, поэтому данная проблема почти не изучалась. В 1960–1980-е гг. исследователи, занимающиеся этими вопросами, старались нивелировать серьезность данной проблемы, относили ее к пережиткам прошлого, т.е. рассматривали как наследство, доставшееся от царского прошлого. В этот период публикуется мало научных работ по проблемам пьянства, а в вышедших – вопросы повседневной жизни, девиантного поведения и борьбы с ним в годы Гражданской войны в советских городах затрагиваются косвенно или в контексте рассмотрения других проблем [1–4]. В годы перестройки начинается новый период, когда этой проблеме стали уделять гораздо больше внимания и посвящать специальные работы [5]. Появляются труды, изучающие региональную специфику [6]. Стоит отметить, что в исследованиях И. Н. Камардина [6], С. Е. Панина [7], И. Б. Орлова [8] и других рассматривается пьянство, в том числе и в городах Пензенской губернии, но в данных трудах хронологические рамки исследования этого явления начинаются с 1920-х гг., со времени НЭПа, более ранний период затронут слабо. На наш взгляд, проблема пьянства в годы Гражданской войны среди городского населения Пензенской губернии остается актуальной и требует дополнительного анализа, так как не только позволяет увидеть специфику региона и общегосударственные тенденции того времени, но и вызвана отсутствием работ, посвященных данному периоду.

Новая власть столкнулась с проблемами пьянства в первые дни своего существования. Большевики понимали, что потребление спиртных напитков являлось частью повседневной жизни, неотъемлемым элементом национальной культуры, образом жизни. Алкогольные напитки и их потребление выступали как составная часть многих культовых обрядов, обычаев выпивать по случаю различных праздников, торжеств. На протяжении многих веков

в России неизменно присутствовали негативное отношение к пьянице, но осторожность к абсолютному трезвеннику и позитивная оценка умеренно пьющего. Данная традиция в общих чертах совпадала с идеальным подходом государства к алкогольной проблеме. Государство, как правило, было заинтересовано в изготовлении и продаже алкоголя, являющегося важным источником пополнения государственного бюджета, особенно при режиме государственной монополии. Таким образом, абсолютные трезвенники способны были пробить существенную брешь в бюджете. То есть, со всех точек зрения, нормальным можно было назвать образ жизни умеренно пьющих. Поэтому перед Советской властью встал вопрос стабилизации ситуации, вызвавшей рост алкоголизма, так как люди, активно употребляющие спиртное, – физически, экономически и социально неполноценные люди, представляли угрозу для государства.

В 1917 г. в России происходили так называемые винные погромы, когда толпа людей силой захватывала склады со спиртным. Данные погромы затронули многие губернские и уездные города, в том числе и в Пензенской губернии, где справиться с ними не всегда оказывалось просто. 8 ноября 1917 г. в Пензе солдаты устроили погром пивных складов, но здесь удалось быстро восстановить порядок [7, с. 27]. Хуже обстояло дело в уездных городах. Так, к примеру, 24 ноября 1917 г. в Саранске толпа солдат (примерно 500 человек) в три часа ночи заявила: «...офицеры и богачи пьют спирт беспрепятственно, а бедные солдаты только оберегают, может быть, уже пустое здание. Идем и мы выпьем и поделим спирт». Через два дня толпа солдат, охранявших винный склад в Саранске, потребовала у заведующего складом выдавать вознаграждение за охрану не деньгами, а спиртом. Не дожидаясь решения властей, начальник караула решил выдавать ежедневно по полбутылки водки на человека. Но это не помогло. 29 ноября солдаты вместе с горожанами и крестьянами из окрестных деревень пошли на штурм. «Спирт из цистерн наливали уже сами солдаты, сломали кран у мерника, весь день со склада везли ящики и бочки со спиртом... по спирту лезли, давя друг друга, с папиросами в зубах пьяные обезумевшие люди...». К 30 ноября со складом было покончено. «Всюду битая посуда, насосная станция, нефтянка, сторожка, здание цистерн, мастерские сгорели, мотор свалился в колодец... все разграблено и разрушено» [9, д. 275, л. 13].

Эпизоды, связанные с погромами в Пензенской губернии, утихли лишь тогда, когда закончились запасы алкоголя. За это время из четырех казенных винных складов два сгорели, два других полностью были разграблены, сгорели до тла три винокурных завода, остальные подверглись разграблению. Выносили как спирт, так и имеющееся оборудование [10, д. 203, л. 106]. Пока центральная власть формулировала свое отношение к потреблению спиртного, местные власти, с тем чтобы не обременять себя дополнительными объектами, требующими охраны, приняли решение распродать неразграбленный спирт по цене 50 руб. за ведро. Спрос был так велик, что пришлось установить максимальную норму продажи – не более одного ведра на каждого члена семьи [7, с. 28].

Начавшиеся перебои с производством и реализацией алкогольной продукции не привели к падению уровня его потребления. Горожане находили пути получения алкоголя. Первый из них – это употребление спиртосодер-

жащих жидкостей, не относящихся к алкогольным напиткам. В городах Пензенской губернии продолжалось употребление денатурата, одеколona, политуры со всеми вытекающими отсюда для здоровья последствиями. Второй путь был связан с получением спирта и спиртосодержащих веществ из городских медицинских учреждений и аптек, а также в «силу служебных надобностей» со складов, подведомственных губернскому совету народного хозяйства.

19 декабря 1919 г. СНК РСФСР принял декрет «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» [11, с. 34–38]. Декрет запрещал не потребление спиртных напитков, а продажу спирта для «питьевого потребления».

Первые годы после событий 1917 г. ознаменовались целой волной эпидемий. Спирт в этой ситуации являлся лучшим средством стерилизации и обеззараживания. Кроме того, «медицинское вино» (на основе спирта) являлось неотъемлемым компонентом лечения сыпного тифа. И хотя его выдавали только по рецепту с печатью и подписью врача, его «неделовое» использование было столь широко распространено, что власти Пензенской губернии были вынуждены рассмотреть вопрос о взятии под жесткий контроль движения спиртосодержащей продукции, чтобы ее получали действительно нуждающиеся люди [12, д. 653, л. 12].

Иногда в обход всех законов спирт поступал в свободную продажу. Так, в 1920 г. в связи с нехваткой денег на выдачу зарплаты и производственные расходы в Пензе было продано 500 ведер спирта [12, д. 1539, л. 13]. Но и злоупотребления в этой сфере были очень распространены. В том же 1920 г. начальник фармацевтического подотдела Кривошеев без всяких оснований передал в дом отдыха «Ахуны» спирт, а, например, в Пензенском постоянном военном госпитале в августе 1922 г. незаконно выдали политруку Зотову два ведра денатурированного спирта, которые «бесследно исчезли» [12, д. 925, л. 75].

При этом закон не был один для всех. Для работников Всероссийской чрезвычайной комиссии и армейских органов сохранялся доступ к запасам спирта. Пензенская губернская чрезвычайная комиссия постоянно требовала спирт от губернского совета народного хозяйства по таким поводам: «Губчека необходимо 15 ведер спирта для технических нужд и секретных надобностей» [12, д. 1213, л. 421]. Как там расходовался спирт, открылось в 1922 г. во время ревизии хозяйственного отдела этой организации. Спирт выдавался по простым запискам и заявлениям. Вот пример такой записки: «В кладовую, дать мне 5 бутылок спирта. Мартынов». За январь-июнь 1922 г. здесь израсходовали 397 бутылок спирта [13, д. 66, л. 7]. Во время празднования четвертой годовщины Красной Армии в Пензе было выдано 1 150 000 руб. на покупку спирта [12, д. 1213, л. 643].

И, конечно, спирт поступал к горожанам посредством рядовых краж. Постоянно в Пензе и других городах губернии происходили ограбления магазинов, складов [14; 15, д. 59, л. 39]. В связи с ростом производства спирта воровать было что. Так, если за 1918/1919 сезон винокурения в Пензенской губернии было произведено 1485 тысяч градусов, то в 1919/1920 – 10 118 тысяч градусов, а с 1 июля по 1 февраля 1921 г. – 7090 тысяч градусов [7, с. 30]. Так, только в марте 1919 г. пятеро рабочих бывшего завода Петрушкова украли 22 ведра винного спирта. Они его крали из цистерн и сбывали шинкарям.

Иногда алкогольные напитки крали и сами стражи порядка. К примеру, в сентябре 1920 г. милиционеры Пензенской городской милиции Логинов и Утенков украли со склада Москоммуны одну четверть спирта [16, д. 185, л. 126]. Были и другие способы получения спирта. В марте 1922 г. в Пензе был задержан химик артели «Техник» Булыгин. Он выписывал спирт со склада для изготовления чернил, уксуса и других технических целей, а сам «сдавал его шинкарям» [17]. О наличии спирта в незаконной продаже в городах Пензенской губернии свидетельствуют и протоколы, регулярно составлявшиеся органами правопорядка на торговцев спиртом [15, д. 85, л. 8].

Стоит отметить, что первые два пути имели свои ограничения. Химические и парфюмерные предприятия стояли, а промышленные и домашние запасы спиртосодержащей «химии» истощались. Да и очень пагубным для здоровья оказалось употребление этих веществ. Так, из 10 человек, пивших «химические» суррогаты, четверо умирали и четверо слепли [7, с. 40]. Эпидемии спадали, а контроль над использованием спиртосодержащих медицинских препаратов возрастал. Кроме того, количество спиртосодержащих веществ, поступавших на «рынок», было мало, по сравнению с потребностью в спирте у городского населения. Поэтому наиболее распространенным оказался третий путь – изготовление самогона.

Появление и распространение самогона в России в первую очередь было связано с ограничением продажи спиртных напитков, введенным еще до революции. Россияне занимались самодельным изготовлением спиртных напитков. Так, в 1913 г. поступили сообщения о 600 случаях подпольного изготовления самодельной водки. А уже в 1915 г. полиция раскрыла почти 6000 случаев незаконного производства алкоголя, и только в период с сентября 1916 г. по май 1917 г. – 9351 случай [7, с. 31]. Но лишь только после событий октября 1917 г., в условиях жесточайшей аномии в обществе, производство самогона стало расти с катастрофической скоростью. В период «военного коммунизма» ввиду прекращения товарооборота между городом и деревней крестьяне старались быстрее перекурить хлеб, чтобы избежать его сдачи по продразверстке [18, с. 76]. Самогон было легче спрятать и хранить, а отходы от выгонки шли на корм скоту. Кроме того, он давал вполне ощутимый доход. «Почему нет в продаже хлеба ни по твердой, ни по вольной цене?» – задавался вопрос на страницах журнала «Продовольственное дело». «А потому, – сообщалось далее, – что каждый «самогонщик» за пуд хлеба, перегнанного в спирт, выручает по 50–60, а во многих случаях и по 100 рублей» [19, с. 20]. В деревне малоимущие, а в городе безработные стали заниматься самогонварением. Для многих это порой было единственным источником средств к существованию.

Хотя ввоз самогона в город осуществлялся в основном крестьянами и в объемах варьировался от нескольких бутылок до нескольких ведер, его изготовление наладили и сами горожане. О размерах его производства в городах Пензенской губернии говорит тот факт, что только в 1922 г. в Пензе милицией было раскрыто 280 точек по производству самогона [12, д. 3856, л. 16].

О распространении потребления самогона в городах губернии свидетельствовали ежедневные и еженедельные сводки милиции о происшествиях. Не проходило и дня, чтобы в Пензе и других городах губернии кого-нибудь не задерживали за продажу самогона. Информацию об этом постоянно печат-

тали пензенские газеты. «Невероятно развивается у нас самогонование. Чуть ли не все кому не лень весь день гонят этот проклятый напиток. Недавно граждане прослышали, что милиция обыскивает самогонку даже по сундукам. Все встали на ноги, как на пожар. Кто мог тащить – тащил, кто лошадь запрягает, чтобы вести, кто везет ее на гумна, а многие увозили в поле. Одна старушка только положила свой котел на сани, как они тронулись. Она сесть не успела – бежит без памяти за санями, задыхается, сама подвязанная кое-как. Удивительный переполох поднялся!» [20].

Милиция и власть пытались бороться с самогонованием, но на протяжении всего изучаемого периода не было достигнуто каких-либо значительных успехов. Зачастую стражи порядка сами являлись потребителями самогона. Мы можем найти подтверждения этому в газетных статьях, в которых постоянно фигурировали фамилии сотрудников милиции. Вот что, к примеру, писали в 1918 г.: «В пьяном виде явились шесть милиционеров продовольственной милиции, вооруженных винтовками, и без всяких уполномочий начали производить обыски в разных квартирах. Возмущившись этим, жители этого дома тоже вооружились винтовками и открыли стрельбу, причем был ранен один милиционер» [24]. «Город Инсар. Сотрудник милиции в пьяном виде произвел незаконный арест учительницы, что является явным превышением полномочий» [21]. И такие ситуации стали нормой для городов.

В 1921 г. в связи с непрекращающимся ростом самогонования большевики поняли, что необходимо расширить легальный доступ народных масс к спиртному. Было решено санкционировать продажу виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин сначала крепостью до 14, а потом и до 20 градусов. В 1922 г. было разрешено продавать пиво [22, с. 233–243]. Но, несмотря на выход этих декретов, в Пензенской губернии до апреля 1922 г. не было мест продажи вина ни оптом, ни в розницу. Лишь в середине апреля 1922 г. в Пензе была разрешена продажа вина на вынос трудовой артели «Маяк» и кооперативу «Продовольственник» [23]. Чуть раньше, в феврале 1922 г., разрешение на право распивочной торговли получили трудовая артель «Маяк» и коллектив артистов театра [7, с. 33]. Продажа вина для потребления на месте позволялась лишь в губернском и уездных городах. В сельской местности она по-прежнему была строго запрещена. Продажа вина разрешалась только в заведениях общественного питания в закупоренном виде. Отпуск вина осуществлялся лишь лицам, достигшим 16 лет и заказавшим, помимо него, горячую пищу. Также торговля осуществлялась в определенные часы: в Пензе – до 11 часов вечера, а в уездных городах – до 10, независимо от времени работы самих заведений [7, с. 33].

Но, несмотря на такие ограничения, попытки контроля и борьбы с производством и нелегальной реализацией алкоголя, чрезмерное употребление спиртных напитков среди населения сохранялось и захватило не только взрослое население, но и проникло в ряды несовершеннолетних. Все это приводило к распаду семей, снижению производительности труда, росту числа венерических заболеваний, проституции, суицида и преступности.

Таким образом, в первые послереволюционные годы проблема пьянства в Советской России оставалась острой. Не была, как мы увидели, исключением в этом вопросе и Пензенская губерния.

На почве потребления спиртных напитков происходил рост хулиганства и преступности среди горожан. Газеты почти каждый день писали об этом.

«В канцелярию четвертого района вбежали два мальчика и сообщили, что в чайной по ул. Предтеченской в д. № 80 пьяный солдат с револьвером в руках пугает публику и угрожает расстрелом содержателям чайной. Младший помощник начальника 4-го района, прибыв в чайную, немедленно солдата арестовал и для составления протокола за хулиганские выходки и вооруженное буйство отправил в 3-е районное отделение милиции Пензы» [25]. «Мл. милиционером доставлен в пьяном виде Дмитриев Иосиф, нарушивший тишину и спокойствие. Спиртные напитки достал у каких-то людей в чайной, что на углу Лекарской, где был произведен обыск, там с милиционером доставлен в пьяном виде извозчик Офицеров Николай. По его словам, его напоил пассажир, слезший у гостиницы Кошелева по Московской улице, где также был произведен обыск» [25].

В 1919 г. в «Известиях» Пензенского губернского исполнительного комитета печально констатировали, что «в редакцию поступает масса протоколов за появление в пьяном виде. И надо заметить, что никогда они не поступали в таком огромном количестве. Неужели это явление будет продолжаться?» [26].

Милицейские ежедневные и еженедельные сводки и отчеты за 1919, 1920 и 1921 гг. напоминали военные сводки с «алкогольного фронта». Пили все: и крестьяне, приехавшие в город, и рабочие, и военные, и партийные, и беспартийные и т.д. Вот несколько примеров, которые подтверждают сложившуюся ситуацию: «1 июля 1920 года артисты Пирогов, Карташов, Логунов и Касторская с помощником коменданта города Пензы устроили пьянку»; «2 июля задержаны два сотрудника Губернского розыска Дурманов и Комаев в состоянии тяжелого опьянения»; «3 июля задержан сотрудник Пензенского ГубЧК М. Е. Ильин в состоянии тяжелого опьянения»; «В ночь на 26 июля на Кирпичном заводе № 1 групповая пьянка» [12, д. 922, л. 66–67]. В 1920 г. сотрудники милиции обнаружили, что пьянство администрации первой тюрьмы стало обычным, непрекращающимся явлением. На территорию этого учреждения свободно проходили посторонние люди, приносили с собой самогон и другие спиртные напитки [27].

Неслучайно Пензенский исполнительный комитет еще в 1919 г. заявлял, что «...все старания милиции г. Пензы всеми законными мерами искоренить это зло, пьянство, неразрывно связанное с развратом и убийствами, которое все более и более распространяется по городу, достигая колоссальных размеров, тщетны» [15, д. 21, л. 55]. К примеру, в июне 1922 г. в Пензе за появление в нетрезвом виде было задержано 11 человек, в августе 1922 г. – 21 человек [28, д. 44, л. 39, 67].

Руководство городов пыталось бороться различными методами с пьянством. К ним относились заключение под стражу, штрафы, конфискации и запреты, но, как мы видели, они не были эффективными. Пьяных в Пензе почти всегда задерживали, потом штрафовали, но это не мешало горожанам заниматься чрезмерным потреблением алкоголя, а также его производством. Ярким подтверждением того, что почти все меры не имели успеха, стал непрекращающийся рост пьянства среди городских обывателей в годы НЭПа. Мы можем сказать, что пьянство наряду с ростом эпидемий, голодом, ростом преступности стало одной из тяжелых проблем, стоявших перед городами Пензенской губернии. Корни этой проблемы тянутся с дореволюционных

времен, но годы Гражданской войны стали благодатной почвой для эскалации этого вопроса.

Таким образом, проблемы, с которыми столкнулись власти городов Пензенской губернии, были характерны для большей части Советской России. Тенденции, которые мы могли наблюдать, на наш взгляд, отражали не только сложную ситуацию в стране, но также вскрывали ряд важных проблем, которые накапливались в обществе на протяжении длительного времени. И в новых условиях перед новой властью стоял комплекс задач по ликвидации этих проблем. И здесь, помимо специальных мер, требовалась общая стабилизация социально-экономической ситуации в стране. Данная задача не могла быть решена в условиях «военного коммунизма».

Список литературы

1. **Кизилов, И. И.** НКВД РСФСР (1917–1930 гг.) / И. И. Кизилов. – М., 1969. – 160 с.
2. **Коржихина, Т. П.** Из истории борьбы советских государственных и общественных организаций за новый быт в 20-е гг. / Т. П. Коржихина // Из истории партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР. – М., 1983. – С. 126–147.
3. **Копыт, Н. Я.** Алкоголизм / Н. Я. Копыт. – М. : Медицина, 1983.
4. **Курицын, В. М.** Переход к НЭПу и революционная законность / В. М. Курицын ; отв. ред. О. И. Чистяков. – М. : Наука, 1972. – 216 с.
5. **Лебина, Н. Б.** Теневые стороны жизни советского города в 1920–30-х годах / Н. Б. Лебина // Вопросы истории. – 1994. – № 4. – С. 30–42.
6. **Камардин, И. Н.** Пьянство среди рабочих Поволжья в период НЭПа / И. Н. Камардин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 26–33.
7. **Панин, С. Е.** Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук / Панин С. Е. – Пенза, 2002.
8. **Орлов, И. Б.** Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. – М. : Изд. дом Гос. ун-та «Высшая школа экономики», 2008. – 317 с.
9. Государственный архив Пензенской области. Ф. 71. Оп. 1.
10. Государственный архив Пензенской области. Ф. 164. Оп. 1.
11. Декреты Советской власти. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 7.
12. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р. 2. Оп. 1.
13. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р. 294. Оп. 1.
14. Наш путь (Пенза). – 1918. – 16 мая.
15. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р. 453. Оп. 1.
16. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р. 2. Оп. 4.
17. Трудовая правда. – 1922. – 29 марта.
18. **Литвак, К. Б.** Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов / К. Б. Литвак // Отечественная история. – 1992. – № 4.
19. Борьба с тайным винокурением // Продовольственное дело. – 1917. – № 34.
20. Известия Пензенского губернского исполнительного комитета и городского совета рабочих и крестьянских депутатов. – 1918. – 26 марта.
21. Наш путь (Пенза). – 1918. – 1 мая.
22. Сборник действующего законодательства по административному праву РСФСР. – Ростов н/Д, 1926. – Вып. 2.
23. Трудовая правда. – 1922. – 28 апреля.
24. Известия Пензенского губернского исполнительного комитета и городского совета рабочих и крестьянских депутатов. – 1918. – 3 марта.

25. Известия Пензенского губернского исполнительного комитета и городского совета рабочих и крестьянских депутатов. – 1918. – 28 февраля.
26. Известия Пензенского губернского исполнительного комитета и городского совета рабочих и крестьянских депутатов. – 1919. – 3 апреля.
27. Красное знамя. – 1920. – 2 марта.
28. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р. 1878. Оп. 1.

References

1. Kizilov I. I. *NKVD RSFSR (1917–1930 gg.)* [People's Commissariat for Internal Affairs of The Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1969, 160 p.
2. Korzhikhina T. P. *Iz istorii partiynno-gosudarstvennogo rukovodstva kul'turnym stroitel'stvom v SSSR* [From the history of party-state administration of cultural formation in the USSR]. Moscow, 1983, pp. 126–147.
3. Kopyt N. Ya. *Alkogolizm* [Alcoholism]. Moscow: Meditsina, 1983.
4. Kuritsyn V. M. *Perekhod k NEPu i revolyutsionnaya zakonnost'* [Transition to the New Economic Policy and revolutionary legality]. Moscow: Nauka, 1972, 216 p.
5. Leбина N. B. *Voprosy istorii* [Problems of history]. 1994, no. 4, pp. 30–42.
6. Kamardin I. N. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2011, no. 4 (20), pp. 26–33.
7. Panin S. E. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh gorodov: p'yanstvo, prostitutsiya, prestupnost' i bor'ba s nimi v 1920-e gody (na materialakh Penzenskoy gubernii): dis. kand. ist. nauk* [Everyday life of the societal cities: drunkenness, prostitution, crime and struggle against thereof in 1920s (by the materials from Penza province)]. Penza, 2002.
8. Orlov I. B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta «Vysshaya shkola ekonomiki», 2008, 317 p.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti* [State archives of Penza region]. F. 71. Op. 1.
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti* [State archives of Penza region]. F. 164. Op. 1.
11. *Dekrety Sovetskoj vlasti* [Soviet power decrees]. Moscow: Politizdat, 1974, vol. 7.
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti* [State archives of Penza region]. F. R. 2. Op. 1.
13. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti* [State archives of Penza region]. F. R. 294. Op. 1.
14. *Nash put' (Penza)* [Our path (Penza)]. 1918, 16 may.
15. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti* [State archives of Penza region]. F. R. 453. Op. 1.
16. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti* [State archives of Penza region]. F. R. 2. Op. 4.
17. *Trudovaya Pravda* [Labour truth]. 1922, 29 march.
18. Litvak K. B. *Otechestvennaya istoriya* [National history]. 1992, no. 4.
19. *Prodovol'stvennoe delo* [Food business]. 1917, no. 34.
20. *Izvestiya Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta i gorodskogo soveta rabochikh i krest'yanskikh deputatov* [Proceedings of Penza province of the executive committee and the municipal council of workers' and peasants' deputies]. 1918, 26 march.
21. *Nash put' (Penza)* [Our path (Penza)]. 1918, 1 may.
22. *Sbornik deystvuyushchego zakonodatel'stva po administrativnomu pravu RSFSR* [Collection of the active legislation on administrative law of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Rostov-on-Don, 1926, iss. 2.
23. *Trudovaya pravda* [Labour truth]. 1922, 28 april.
24. *Izvestiya Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta i gorodskogo soveta rabochikh i krest'yanskikh deputatov* [Proceedings of Penza province of the executive committee and the municipal council of workers' and peasants' deputies]. 1918, 3 march.

25. *Izvestiya Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta i gorodskogo soveta rabochikh i krest'yanskikh deputatov* [Proceedings of Penza province of the executive committee and the municipal council of workers' and peasants' deputies]. 1918, 28 february.
26. *Izvestiya Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta i gorodskogo soveta rabochikh i krest'yanskikh deputatov* [Proceedings of Penza province of the executive committee and the municipal council of workers' and peasants' deputies]. 1919, 3 april.
27. *Krasnoe znamya* [Red banner]. 1920, 2 march.
28. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti* [State archives of Penza region]. F. R. 1878. Op. 1.

Гнусарев Илья Сергеевич

аспирант, Пензенский

государственный университет

(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: gnusarev@inbox.ru

Gnusarev Ilya Sergeevich

Postgraduate student, Penza

State University

(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 944 (47)084.3

Гнусарев, И. С.

Пьянство в городах Пензенской губернии в годы Гражданской войны / И. С. Гнусарев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 48–57.